

УДК 165.0

DOI:

10.15372/PS20160402

А.В. Косарев**РИТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ:
КОНЦЕПЦИЯ РИТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В НАУКЕ***

Феномен риторического поворота рассматривается как третье звено в ряду двух других теоретических поворотных точек в развитии научного знания в XX в. – лингвистического и интерпретативного поворотов. Обсуждаются особенности риторического поворота по отношению к двум другим, и анализируются его специфические черты. Это нацеленность на недисциплинарность и метадисциплинарность, унифицированность аргументации и контекстуальность методологии, придание большего веса принципам гуманитарных наук и отказ от принципов объективизма, заложенных в картезианской рациональности. Делается вывод о переходе в связи с риторическим поворотом к новому, коммуникативному, типу рациональности.

Ключевые слова: риторический поворот, лингвистический поворот, интерпретативный поворот, риторика, наука, объективизм, аргументированность, картезианская рациональность, коммуникативная рациональность

A.V. Kosarev**THE RHETORICAL TURN:
RHETORIC OF INQUIRY CONCEPT**

The phenomenon of the rhetorical turn is considered as the third link in the line of the other two theoretical turning points of the development of scientific knowledge in XX century – the linguistic and interpretative turns. The paper discusses the nature of rhetorical turn in relation to the other two, and analyzes its specific features. Among them are a focus on non-disciplinary and meta-disciplinary, more unified arguments, contextuality of methodology, giving greater weight to the principles of Human Sciences and the rejection of the principles of objectivism which are inherent in Cartesian rationality. The paper makes a conclusion about the transition, linked with the rhetorical turn, to a new, communicative type of rationality.

Keywords: rhetorical turn, linguistic turn, interpretive turn, rhetoric, science, objectivism, argumentation, Cartesian rationality, communicative rationality

---

* Публикуется в авторской редакции.

Концепция «поворота» часто используется для обозначения явлений, которые характеризуют философию XX в. – регулярного смещения или изменения, зачастую революционного¹, философских трендов, подходов, к описанию или познанию мира посредством принятия нового метода, сопровождаемого критикой предшествующих подходов. Нередко пишут об историческом, критическом, постмодернистском, социологическом, культурологическом, натуралистическом и др. поворотах в науке.

Однако, говоря об осмыслении принципов исследования в науке, Ричард Рорти на *Iowa Symposium on the Rhetoric of the Human Science* в 1984 году выделил только три существенных поворота: лингвистический, интерпретативный и риторический [The Rhetorical Turn, 1990, p. vii]. По сути, речь идет о заглавных теоретических «точках поворота», выявленных в ходе развития наук, в том числе социальных и гуманитарных, в прошлом столетии.

Наиболее употребимым и известным до сих пор остается понятие лингвистического поворота. Этот термин становится общим местом после того, как Р. Рорти вынес его в заглавие сборника «Лингвистический поворот. Опыты о философском методе» (первое издание вышло в свет в 1967 г.) [The Linguistic Turn, 1984]². В этот термин Рорти вкладывает тот смысл, что философские проблемы решаются либо посредством реформирования языка, либо посредством уточнения наших знаний о языке, которым мы пользуемся [The Linguistic Turn, 1984, p. 3]. Соответственно, методы, которые выходят на передний план в этот период – это лингвистические методы. Рорти приводит ставшую знаменитой цитату из Бергмана, оговаривая, что вынес его термин в название своей книги: «Все лингвистические философы говорят о мире с помощью обсуждения подходящего языка. Это и есть лингвистический поворот, фундаментальный гамбит в отношении метода, по которому согласны философы как обыденного, так и идеального языка» [The Linguistic Turn, 1984, p. 8–9].

В работе «Последствия прагматизма» Рорти соотносит лингвистический поворот с прагматизацией философии XX в., и тем самым пока-

---

¹ Термин *turn* синонимичен у Рорти в используемом контексте термину *revolt* (восстание, протест).

² Сам термин введен в оборот Густавом Бергманном в статье «Strawson's Ontology», опубликованной в *Journal of Philosophy* в 1960 г. [Bergmann, 1960], а затем перепечатанной в сборнике [Bergmann, 1964], на который и ссылается Рорти [The Linguistic Turn, 1984, p. 8–9].

зывает, что лингвистический поворот для него фактически аналогичен прагматическому повороту [Rorty, 1982, p. xiii–xlvi]. В этой же работе, в главе «Method, Social Science, Social Hope», Рорти упоминает интерпретативный поворот. Он, в свою очередь, означает сдвиг от методологии позитивизма к интерпретативизму, или от эпистемологии к герменевтике [Rorty, 1982, p. 191–210]³. Сам термин был впервые использован в работе [Rabinow, Sullivan, 1979], а затем неоднократно обсуждался в литературе [Moore, 1989; Kress, 1987]. Интерпретативный поворот отдает предпочтение методам субъективной интерпретации, отказываясь от претензий «истинных» методов метафизики или эпистемологии. И поскольку, как полагает Рорти в «Зеркале природы» [Рорти, 1997, с. 233–238], прагматизм противостоит «анти-эссенциалистским» методам, как и «анти-фундаменталистским» (речь идет об эпистемическом фундаментализме), то и интерпретативный поворот также осуществляется под эгидой прагматизма. Некоторые исследователи явно относят Рорти к прагматическому интерпретативизму [Rabinow, Sullivan, 1979, p. 892–905]. Фактически интерпретативный поворот означает рост социального конструктивизма в дисциплинарных дискурсах социальных наук, который отмечался в 1970-е годы.

Интерпретативизм включает в себя две перспективы: постмодернистскую и трансформистскую [Howe, 2006, p. 66]. Первая видит современную роль социальных исследований в «деконструкции», «денормализации» и «демонтаже» модерна, т.е. той философской и эпистемической доминанты, которая существовала на протяжении более трех с половиной предшествующих веков и всё еще достаточно сильна в социальных науках. Вторая полагает, что несмотря на определенные и существенные недостатки, большая часть проекта, именуемого «модерном», может и должна быть сохранена, а задача социальных исследований и философии состоит в том, чтобы развернуть этот проект до конца. К сторонникам первой перспективы можно отнести Деррида, Фуко, Лиотара, с некоторыми оговорками – Рорти и Витгенштейна, отчасти – Дьюи. Ко второй – Хабермаса, Дьюи, и в контексте феминистского движения – Нэнси Фрезер, которая, к слову, предложила

---

³ Обсуждая «темную сторону» социальных наук в лице Фуко, Рорти пишет: «Почитатели Хабермаса и Фуко объединяются в размышлении об “интерпретативном повороте” в социальных науках как о повороте против их использования как “инструментов доминирования”, как орудия для того, что Дьюи называет “социальной инженерией”. Это привело к сбивающей с толку квази-политизации того, что уже было надуманной “методологической” проблемой» [Rorty, 1982, p. 204].

термин «нео-прагматизм», обозначивший направление, также причисленное к трансформистской перспективе [Ibid].

Введение термина «риторический поворот», особенно применительно к науке, в широкий оборот связывают с выходом [The Rhetorical Turn, 1990]⁴. Наряду с ним бытует термин «риторика исследования», подчеркивающий существенную трансформацию, произошедшую с логикой научного исследования в духе К. Поппера. Под риторическим поворотом понимается такое изменение акцентов в науке, которое (выходя за пределы собственного академического поля риторики), признает, что риторические формы неизбежно участвуют в формировании реальности. Язык не является нейтральным посредником, и то, какие слова были использованы для описания действительности, имеет существенное значение для ее понимания. Те или иные заявления ученых понимаются в этом контексте скорее как аргументы, нежели как научные открытия. Более того, сами научные открытия все реже рассматриваются как имеющие значение только для чистой науки, и необходимость в инновационных разработках с учетом требований рынка, взаимодействие с политическими и финансовыми элитами с целью поиска финансирования, заставляет науку искать пути и способы коммуникации с аудиторией за пределами академических сообществ.

Риторический поворот отличается от лингвистического прежде всего сильным антиобъективизмом и акцентом не просто на нагруженность языка, а на то, что ресурсы языка, связанные с его неопределенностью и неоднозначностью, используются в полной мере. В тоже время риторический поворот наследует постмодернистской перспективе интерпретативного поворота, будучи тесно связанным с таким направлением как нео-софистическая риторика, которое развивалось в контексте постмодернизма. Большинство попыток осмыслить данный феномен как правило исходит из переосмысления риторики в контексте ее современного возрождения, и подчеркивает, что риторика переступает границы дисциплинарной матрицы классической риторики, сохраняя связь с теми нормами и принципами, которые были характерны

---

⁴ Обозначенная проблематика была актуализирована на *Iowa Symposium on the Rhetoric of the Human Science* (1984) и сопровождалась выходом нескольких резонансных книг [The Rhetoric of the Human Sciences, 1997], где акцент ставится на термин «риторика исследования» и [The Rhetorical Turn, 1990]; в них, помимо феномена риторического поворота в гуманитарных и социальных науках, анализируются аналогичные явления в естественных науках..

для классической риторики как искусства эффективной, убеждающей речи. За риторикой закрепляется принципиально новое понимание – она должна заменить собой традиционную философию, не претендуя при этом на то, чтобы быть основополагающим, фундаментальным знанием. Понятая таким образом риторика оказывается, «недисциплинарным», т. е. не систематическим знанием, таким, которое нельзя отождествить с каким-либо учением или направлением. Будучи вынесенной за скобки учений или имен, такая риторика должна быть названа «пост-философской», поскольку, в отличие от философской риторики, не претендует на какое-либо «герменевтическое понимание», урегулирование интерпретативных различий, а напротив, она устанавливает, обозначает и эксплуатирует эти различия. Во-вторых, она оказывается «метадисциплиной», поскольку не может использовать ни методы каких-либо дисциплин (сама являясь в некотором роде методом, инструментом написания любой из них), ни их содержание, поскольку, в конечном итоге, любое содержание в такой системе измерений определяется способом его подачи [Vitanza, 1987, p. 41–43].

Таким образом, в связи с риторическим поворотом можно отметить, что риторика в современных условиях существенно модифицировала область своего приложения. Накануне лингвистического поворота она вынужденно утрачивает свои позиции в связи с успехами точных наук и формальной логики, но наличие определенных лакун в их методах, которые не позволяют с их помощью охватить те сферы человеческого опыта, которые связаны с естественной коммуникативной средой и эмоциональной сферой, по-прежнему делают риторику ценным инструментом в области познания. Если лингвистический поворот и связанная с ним теория искусственного языка стремились отказаться от риторического содержания, например, от метафор, фигур речи и пр., то после кризиса, наметившегося в этой области, возврат к риторическим техникам и риторическим способам аргументации в науке становится неизбежным. Современная наука зависит от нестрогих логических построений в той же мере, в какой она зависит от дедуктивных и формальных методов. Аргументы по аналогии, примеры (особенно это касается *case studies*), отсылки к авторитетам (как персоналиям, так и научным школам), опора на интуицию, договорные условия, эстетические критерии (например, такое неформализуемое требование к научной теории как ее красота, выдвинутое А. Эйнштейном) играют значительную роль в современной науке. Разумеется, существуют области в науке, где новые, переосмысленные функции риторики, с ее экстрафактуальными и экстр-

ралогическими детерминантами, играют значительно большую роль, например, в социальных науках более, чем в точных, в области интерпретации данных, более чем в области фиксации этих данных, в прикладной математике, в политике и т. д. Тем не менее, в отличие от интерпретативизма, сосредоточенного преимущественно на социальной и гуманитарной сфере, новый функционал риторики исследования позволяют распространить ее методы и на более широкие сферы точных и естественных наук.

Помимо переосмысления функций и задач риторики применительно к науке, риторический поворот характеризуется новыми (обновленными) формами научного исследования, противопоставляющими себя объективизму. По этому параметру он сходится с интерпретативным, и существенно расходится с лингвистическим поворотом. Субъективизм сопутствует риторике, начиная с ее первых образцов, появившихся в античной софистике, и вплоть до XX в. эта характеристика, наряду с релятивизмом, носила негативный оттенок. Наука должна избегать субъективности, и такие подлинно научные методы как например научный эксперимент, регрессионный анализ или непосредственная отсылка к документам, позволяют ученому достичь объективного, универсального и непредвзятого результата – это распространенная установка, но фактически она появляется и оказывается ключевой в эпоху Просвещения, которая, начавшись с картезианского переворота, заложила основы почти трехсотлетнего периода Модерна. Именно в эту эпоху научное мировоззрение, разделяющее принцип объективизма и базирующееся на картезианской рациональности, стало доминирующим. В условиях, когда акцент в исследованиях ставился на достоверность, универсальность и проверяемость результата, риторике не хватало объяснительной силы, чтобы тягаться с естествознанием. В силу этих условий она заняла для себя единственную приемлемую нишу – область политического и социально-практического, и область филологической проблематики, заложив основания для будущей дисциплины.

Можно сформулировать основные «заповеди объективизма» [McCloskey, 1983, p. 484–485]:

1. Предсказание (и проверяемость) являются целью науки.
2. Только наблюдаемые следствия (или предсказания) теории имеют значение для ее истинности.
3. Наблюдаемость влечет за собой объективные, воспроизводимые эксперименты.

4. Если (и только если) экспериментальные следствия теории теории оказались ложными, то этим подтверждается ложность теории.

5. Объективностью следует дорожить; субъективное «наблюдение» (интроспекция) не является научным знанием.

6. Афоризм Кельвина: «Если вы можете измерить то, о чем говорите, и выразить это в цифрах – значит, вы что-то об этом предмете знаете. Но если вы не можете выразить это количественно, ваши знания крайне ограничены и неудовлетворительны».

7. Интроспекция, метафизическая вера, эстетика и т. п. могут значимы для формулировки гипотез, но не могут быть использованы в их обосновании.

8. Демаркация научного и ненаучного рассуждения, позитивного и нормативного – это дело методологии.

9. Научное объяснение событий приводит события в соответствие с общим законом.

10. Ученые, например, ученые-экономисты, не могут ничего сказать как ученые о ценностях, будь то моральные или художественные ценности.

11. «Вилка Юма»: «Если, удостоверившись в истинности этих принципов, мы приступим к осмотру библиотек, какое опустошение придется нам здесь произвести! Возьмем в руки, например, какую-нибудь книгу по богословию или школьной метафизике и спросим: *содержит ли она какое-нибудь абстрактное рассуждение о количестве или числе?* Нет. *Содержит ли она какое-нибудь основанное на опыте рассуждение о фактах и существовании?* Нет. Так бросьте ее в огонь, ибо в ней не может быть ничего, кроме софистики и заблуждений!»⁵.

Все эти положения отвергаются как приверженцами интерпретативного поворота, так и риторического. McCloskey, когда писал свою статью в 1983 году, отмечал: «Немногие в философии сегодня верят менее, чем в половину этих утверждений. Существенное, достойное и растущее меньшинство не верит ни в одно из них...» [McCloskey, 1983, р. 485], оговаривая при этом, что есть области науки, например, экономика, где превалирующее большинство ученых все еще признает каждое из этих положений. Но в действительности работы К. Поппера, Т. Куна и И. Лакатоса существенно расшатали объективистское и позитивист-

---

⁵ Речь идет о представлении Юма, что факты не состоят в логических отношениях между собой, а логика не базируется на единичных фактах. Цит. по: [Юм, 1996, с. 144].

ское предположение, что научный прогресс есть результат следования принципам картезианского сомнения и правилам метода, и что наука покоится на строгих правилах. Постпозитивизм показал, что исследование на всех его стадиях недоопределено правилами и существенно зависит от индивидуальных и коммунальных суждений [The Rhetorical Turn, 1990, p. 2].

Ясно, что ставя акценты на неформальных принципах обоснования знания и убеждения, риторическое исследование противостоит озабоченности представителей логического поворота в науке формальной стороной логики и «идеальным языком». Их целью было создание не только универсального языка, но, по сути, и отыскание единой методологии для всех областей науки, что соответствовало также принципам построения единой теории и в конечном итоге созданию единой, унифицированной науки. Отчасти эта идеализированная программа «высокой науки» реализовалась в области физики, но потерпела полное фиаско во других областях, особенно это касается социальных наук.

Можно обозначить основные предпосылки или принципы, из которых исходит риторическое исследование, стремясь преодолеть указанные затруднения [Nelson, Megill, McCloskey, 1987, p. 4–5]. Во-первых, это утверждение, что унифицированный характер носит не методология исследования, а аргументы, которые используют ученые (аналогии, отсылки к авторитетам и т.д.). Во-вторых, признается, что эти аргументы гораздо шире каждой конкретной исследовательской области с той оговоркой, что в любой из этих областей существует и специфическая аргументация (апелляция к существующей теории, аргумент «невидимой руки» Смита и др.). Логика риторического исследования принимает принципиально другие основания: вместо поиска универсальной методологии она использует образцы или модели отдельных наук (например, физики или математики) и переносит их в другие, порой не пересекающиеся методологически области (литература или право) [Nelson, Megill, McCloskey, 1987, p. 13]. Тем самым, риторическое исследование не отрицает возможностей методологии, но настаивает, что методология должна быть сравнительной, размещающей себя в различные контексты и приспособляющейся к языкам объяснения, на которых базируется исследование.

Как уже отмечалось, риторическое исследование шире, чем дисциплинарные границы риторики. Можно обозначить две области, связанные с осмыслением риторикой самой себя, или философии риторики. Первую можно отнести к т.н. возрожденной риторике (о ней скажем ни-

же). Вторая формируется за пределами традиционных риторических форм и развивает новую практику – маркировать как приверженцев риторической теории и внесших в нее существенный вклад даже тех, кто об этом не подозревал (включая Ницше, Маркса, Фрейда или Дарвина). Это в свою очередь свидетельствует о расширении риторического дисциплинарного поля и возможностях выхода риторического исследования на определенный уровень не- и метадисциплинарности. Вместе с тем, такого рода исследования помогают задать определенный исторический контекст формирования риторического поворота. В частности, один из таких вариантов развития предлагает [Gaonkar, 1993]. Он размещает риторический поворот в такой контекст, где ему предшествуют возрожденная риторика и новая риторика.

Возрождение риторики связывают с процессами, которые шли вокруг этой дисциплины с первой четверти XX в., и здесь можно отметить сугубо педагогические процессы в университетах, где изучаются эффективные коммуникативные навыки, востребованные в публичных, особенно в политических, дискуссиях, из которых постепенно вытекает теоретическое осмысление и научное изучение риторики в ее теоретическом, историческом и критическом аспектах, напр. [Richards, 1936; Campbell, 1963]. Значительное внимание уделялось изучению античной и средневековой риторики, что позволило оформить разные исторические модели риторики и включать их в современные теоретические разработки. На этом уровне риторика остается специальным знанием в области коммуникации и филологии и не выходит за пределы собственных дисциплинарных рамок.

Новая риторика возникает как ответ на усилия академического сообщества по возрождению гуманитарного дискурса и попыткам адаптировать его к и сделать жизнеспособным в современных реалиях. Сосредоточенность на изучении античной и средневековой риторики создавало опасения, что современная риторика так и осталась пережитком прошлого, поскольку не несет в себе никакого принципиально нового содержания. Тем не менее, к середине XX в. начинают складываться каноны обновленной риторики, соответствующей современным запросам (I.A. Richards, K. Burke, R. McKeon, R. Weaver, Ch. Perelman) [Gaonkar, 1993, p. 55]. Общая идея новой риторики заключалась в том, чтобы обнаружить такие культурные формы и практики, которая способствовали бы социальной сплоченности без стирания различий между соперничающими силами как внутри одного социума, так и между сообществами. Риторический поворот в каком-то смысле был предвосхищен новой ри-

торикой, но если последняя запуталась в дисциплинарной проблематике старой риторики, не сумев ее до конца переосмыслить, то риторический поворот претендует на принципиальную новизну и новые возможности, которые открывает его ориентированность на метадисциплинарность.

Можно обозначить еще одну особенность риторического исследования – его литературность, ориентированность на принципы литературной критики, которые никогда не утрачивались риторикой. Чтение текстов, иными словами, всегда подразумевало риторические пути и методы, а риторический поворот ориентирован на науку как на текст. Об этом свидетельствуют такие метафоры, как: «чтение» поведения, «чтение» текстов культуры, «прочтение» исторических эпох; интерпретация научных данных как символических конструкций; рассмотрение научных концепций или теорий как нарративов, математических доказательств – как риторических тропов, а научную коммуникативную среду – как диалоговую [The Rhetorical Turn, 1990, p. 3].

Таким образом, риторический поворот в науке определяет новые перспективы в ее методологии. А.П. Огурцов обращает внимание на две особенности риторического поворота: риторическое исследование на передний план выдвигает процедуры аргументации, а не доказательства, и переходит от универсальных норм к универсализации прецедентов. При этом универсализованные прецеденты могут быть поняты широко, как результаты поиска в области частной науки без претензии на универсализацию метода или всего научного поля исследования, так и более узко, как историко-научные реконструкции «отдельных случаев» (*case studies*), которые принципиально не претендуют на общезначимость и универсальность, но играют роль прецедентов. В целом же научные тексты понимаются как формы дискурса и нарратива, а процедуры объяснения и понимания – в их приложении к аргументации. Изменяется статус норм, значимость индуктивных и дедуктивных стандартов, в изучение науки вносятся принципы гуманитарных наук: герменевтические методы, нарративные интерпретации, понимающая социология. А.П. Огурцов пишет: «Знание оказывается убеждением (*belief*) или суждением (*judgement*), которое использует ради своей общеобязательной значимости аргументацию из разных областей исследования» [Огурцов, 2005, с. 124–125]. Одна из ключевых тенденций, существовавших в философии вплоть до XX в. – это противопоставление рациональности и риторики. Обычно риторические практики (или те, что с ними связаны) расценивались как радикальный релятивизм, направленный на область смутного и изменчивого, тогда как философия считалась изначально

ориентированной на постижение чистого, ясного, себе тождественного и объективного. Вместе с тем, риторический поворот не отказывается от рациональности. Фактически А.П. Огурцов заявляет о новом витке понимания рациональности – коммуникативной. Этот тип рациональности выходит за рамки картезианской модели, отказываясь от объективизма, но демонстрирует, что при достаточной силе аргументов и взвешенности частных методологий, используемых в отдельных областях науки, результат такого частного рассуждения в рамках логики риторического исследования может иметь не меньшую научную значимость.

Литература

1. *Огурцов А. П.* Этнос науки и риторика (От нормативного разума к коммуникативной рациональности) // *Личность. Культура. Общество.* – 2005. – Вып. 3 (27). – С. 107–135.
2. *Рорты Р.* *Философия и зеркало природы* / Пер. с англ. В.В. Целищева. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – С. 233–238.
3. *Юм Д.* *Исследование о человеческом познании* // *Сочинения в 2 т. Т. 2* / Пер. с англ. С.И. Церетели и др.; Примеч. И.С. Нарского. – М.: Мысль, 1996. – С. 3–144.
4. *Bergmann G.* *Logic and Reality.* – Madison: The University of Wisconsin Press, 1964.
5. *Bergmann G.* *Strawson's Ontology* // *Journal of Philosophy.* – 1960. – 57 (19). – P. 601–622.
6. *Campbell G.* *The Philosophy of Rhetoric.* – Southern Illinois University Press, 1963.
7. *Gaonkar D. P.* *The Revival of Rhetoric, the New Rhetoric, and the Rhetorical Turn: Some Distinctions* // *Informal Logic.* – 1993. – XV. – 1. – P. 53–64.
8. *Howe K.R.* *The Interpretive Turn* // *Howe K. R. Closing methodological divides. Toward Democratic Educational Research (Philosophy and Education).* – Springer, 2006. – P. 65–79.
9. *Kress K.* *The Interpretive Turn* // *Ethics.* – 1987. – 97 (4). – P. 834–60.
10. *McCloskey D. N.* *The Rhetoric of Economics* // *Journal of Economic Literature.* – 1983. – Vol. 21. – №. 2. – P. 481–517.
11. *Moore M.S.* *The Interpretive Turn in Modern Theory: A Turn for the Worse?* // *Stanford Law Review.* – 1989. – Vol. 41. – № 4. – P. 871–957.
12. *Nelson J.S., Megill A., McCloskey D.N.* *Rhetoric of Inquiry* // *The Rhetoric of the Human Sciences. Language and Argument in Scholarship and Public Affairs* / Ed. by John S. Nelson. – Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1987. – P. 3–18.
13. *Rabinow P., Sullivan W.M.* *The interpretive Turn: The Emergence of an Approach* // *Interpretive Social Science. A Reader* / Ed. by P. Rabinow, W. M. Sullivan. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1979. – P. 1–24.
14. *Richards I. A.* *The Philosophy of Rhetoric.* – Oxford University Press, 1936.
15. *Rorty R.* *Consequences of pragmatism: Essays 1972–1980.* – University of Minnesota Press, 1982.
16. *The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method* / Ed. by Richard M. Rorty. With two Retrospective Essays. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1984.
17. *The Rhetoric of the Human Sciences. Language and Argument in Scholarship and Public Affairs* / Ed. by John S. Nelson. – Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1987.

18. *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry* / Ed. by H.W. Simons. – University Of Chicago Press, 1990.

19. *Vitanza V. J. Critical Sub/Versions of the History of Philosophical Rhetoric* // *Rhetoric Review*. – 1987. – Vol. 6. – № 1. – P. 41–66.

References

1. *Ogurtsov A.P. Etos nauki i ritorika (Ot normativnogo razuma k komunikativnoy ratsional'nosti)* [The ethos of science and the rhetoric (From normative reason to communicative rationality)] // *Personality. Culture. Society*. [Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo]. – 2005. – Iss. 3 (27). – P. 107–135.

2. *Rorty R. Filosofiya i zerkalo prirody [Philosophy and the Mirror of Nature]* / V.V. Tselishchev (per.) [V.V. Tselishchev (transl.)]. – Novosibirsk: NGU, 1997. – P. 233–238.

3. *Yum D. Issledovanie o chelovecheskom poznanii [Hume D. An Enquiry Concerning Human Understanding]* // *Sochineniya v 2 t. T. 2* [Writings in 2 vols. Vol. 2] / S.I. Tsereteli (per.) I dr. [S.I. Tsereteli (transl.) et al.]; I.S. Narskiy (prim.) [I.S. Narskiy (notes)]. – M.: Mysl', 1996. – P. 3–144.

4. *Bergmann G. Logic and Reality*. – Madison: The University of Wisconsin Press, 1964.

5. *Bergmann G. Strawson's Ontology* // *Journal of Philosophy*. – 1960. – 57 (19). – P. 601–622.

6. *Campbell G. The Philosophy of Rhetoric*. – Southern Illinois University Press, 1963.

7. *Gaonkar D. P. The Revival of Rhetoric, the New Rhetoric, and the Rhetorical Turn: Some Distinctions* // *Informal Logic*. – 1993. – XV. – 1. – P. 53–64.

8. *Howe K.R. The Interpretive Turn* // *Howe K. R. Closing methodological divides. Toward Democratic Educational Research (Philosophy and Education)*. – Springer, 2006. – P. 65–79.

9. *Kress K. The Interpretive Turn* // *Ethics*. – 1987. – 97 (4). – P. 834–60.

10. *McCloskey D. N. The Rhetoric of Economics* // *Journal of Economic Literature*. – 1983. – Vol. 21. – № 2. – P. 481–517.

11. *Moore M.S. The Interpretive Turn in Modern Theory: A Turn for the Worse?* // *Stanford Law Review*. – 1989. – Vol. 41. – № 4. – P. 871–957.

12. *Nelson J.S., Megill A., McCloskey D.N. Rhetoric of Inquiry* // *The Rhetoric of the Human Sciences. Language and Argument in Scholarship and Public Affairs* / Ed. by John S. Nelson. – Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1987. – P. 3–18.

13. *Rabinow P., Sullivan W.M. The interpretive Turn: The Emergence of an Approach* // *Interpretive Social Science. A Reader* / Ed. by P. Rabinow, W. M. Sullivan. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1979. – P. 1–24.

14. *Richards I. A. The Philosophy of Rhetoric*. – Oxford University Press, 1936.

15. *Rorty R. Consequences of pragmatism: Essays 1972–1980*. – University of Minnesota Press, 1982.

16. *The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method* / Ed. by Richard M. Rorty. With two Retrospective Essays. – Chicago and London: The University of Chicago Press. 1984.

17. *The Rhetoric of the Human Sciences. Language and Argument in Scholarship and Public Affairs* / Ed. by John S. Nelson. – Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1987.

18. *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry* / Ed. by H.W. Simons. – University Of Chicago Press, 1990.

19. *Vitanza V. J. Critical Sub/Versions of the History of Philosophical Rhetoric* // *Rhetoric Review*. – 1987. – Vol. 6. – № 1. – P. 41–66.

Информация об авторе

Косарев А.В. – аспирант, Институт философии и права СО РАН г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, 630090, e-mail: andrkw@rambler.ru)

Information about the autor

Kosarev A.V. – the graduate student; Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Nikolaeva str. 8, 630090, e-mail: andrkw@rambler.ru)

Дата поступления 14.11.2016